

Grzegorz Czerwiński
Uniwersytet w Białymstoku

**История – география – геопэтика.
О возможных методах анализа произведений современной
художественной литературы польских, литовских
и белорусских татар¹**

В настоящей статье речь идет об исследованиях современной литературы татар Польши, Литвы и Белоруссии. В процессе анализа произведений татарских авторов мы пытаемся определить степень эффективности применения геопэтического метода и, по возможности, соотнести полученные результаты с традиционными историко-филологическими концепциями.

Изучение художественной литературы польских, литовских и белорусских татар 20-го века – это достаточно новое направление в современном литературоведении. Ее отличительными особенностями являются не только язык (польский, литовский и белорусский), но и затрагиваемые в ней тюркско-мусульманские культурные проблемы, которые рассматриваются наряду с проблемами европейскими. Это и определяет направления наших исследований. Их проведение не представляется возможным без соответствующей методологии, которая позволяет не только лучше понять, но и определить место татарской литературы в общем историко-литературном процессе.

Татары в Восточной Европе и проблема их самоидентификации

Впервые татары появились в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) в 14 веке. Это были либо пленные, захваченные литовскими войсками во время военных походов против Золотой Орды, либо эмигранты, ищущие в Речи Поспо-

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Польско-татарская литература после 1918 года» и финансируется польским фондом «Национальный Центр Науки» (номер гранта DEC-2012/07/B/HS2/00292). Данная статья является расширенным вариантом доклада, прочитанного нами во время Международной научной конференции «История литературы в системе современных гуманитарных дисциплин» (Москва, Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 3-5 апреля 2014 г.).

литой убежища². С 15-16 веков татары начали селиться в пригородах Вильна, Ковна, Минска, Гродна, Новогрудка и Соколки. При этом они никогда не были этническим большинством ни в одном регионе ВКЛ. Их общины – это островки ислама на христианских территориях, заселенных преимущественно белорусами, поляками и литовцами.

Татары Великого княжества Литовского в 14-16 веках говорили на различных диалектах кыпчакского языка. Годы проживания на новой родине сделали свое: им не удалось избежать процессов ассимиляции, постепенно они начали забывать язык, но при этом они сохранили свою религию – ислам. Со временем для татар ВКЛ родным стали белорусский и польский языки³.

Поскольку татары связали свою судьбу с Великим княжеством Литовским, то в историографии за ними закрепилось название «литовские татары». Так их называли до 1918 года – времени, когда после длительного периода пребывания Польши в качестве провинции Российской Империи была восстановлена ее государственность. В это же время была образована и Литовская Республика. В связи с тем, что после 1918 года все крупные центры татарской культуры оказались на территории Польши, современные историки начали называть потомков татар ВКЛ периода 1918-1939 – «польскими» или «польско-литовскими» татарами⁴. До начала второй мировой войны небольшое количество татар проживало также в Литве – в Ковне и прилегающих к нему районах.

Сегодня татар, проживающих в Белоруссии, Польше и Литве, принято называть «белорусскими», «польскими» и «литовскими» татарами. Поскольку они живут в трех отдельных государствах, то их традиции и культура развиваются в тесном контакте с белорусскими, польскими и литовскими традициями и культурой. Современные татары восточной Европы говорят, в зависимости от страны проживания, на польском, литовском, русском или белорусском языках. Следует отметить, что у потомков польско-литовских татар мы наблюдаем достаточно своеобразное этническое самоопределение. У татар, проживающих в Польше, оно сосредоточено в понятии «поляк–татарин»: такой человек себя чувствует одновременно поляком и татаринном, а не «польским татаринном»⁵. В связи с отсутствием комплексных исследований в этой области трудно однозначно сказать, как выглядит данная ситуация в Литве и Белоруссии⁶.

² См. P. Borawski, A. Dubiński, *Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje*, Warszawa 1986; Я.Я. Гришин, *Польско-литовские татары. Наследники Золотой Орды*, Казань 1995; Я.Я. Гришин, *Из истории татар Литвы и Польши (XIV в.-30-е гг. XX в.)*, Казань 2009.

³ P. Borawski, A. Dubiński, *Tatarzy polscy...*, s. 257.

⁴ См. например: Я.Я. Гришин, *Польско-литовские татары...*; A. Miśkiewicz, *Tatarzy polscy 1918-1939. Życie społeczno-kulturalne i religijne*, Warszawa 1990.

⁵ См. K. Warmińska, *Tatarzy polscy. Tożsamość religijna i etniczna*, Kraków 1999.

⁶ О татарах Литвы и Белоруссии см.: I. Б. Канапацкі, С. В. Думін, *Беларускія татары: мінулае і сучаснасць*, Мінск 1993; I. Б. Канапацкі, *Гісторыя і культура беларускіх татар*,

История – география – геопоэтика. В поисках соответствующего метода

Прежде всего, следует задуматься над тем, почему современная литература польских, белорусских и литовских татар до сих пор не попала в поле научных интересов ученых. В последние годы немногочисленные исследователи изучают эту литературу: С. Хазбиевич, М. Дзекан, Г. Зайонц, Т. Заневская, Х.А. Июксель, Г. Червинский и др.⁷. Безусловно, небольшое количество татарских авторов могло стать причиной того, что многие читатели и ученые просто не нашли подобных изданий среди современных книг⁸. Но проблема, как нам кажется, заключается не только в этом. И полякам, и литовцам, и белорусам иногда просто трудно понять смысл такого «пограничного» творчества. Художественная литература потомков татар Великого княжества Литовского нуждается в культурном переводе. И что интересно, ни исследование истории социально-политических отношений поляков, белорусов и татар на территориях Великого княжества Литовского, ни анализ истории культуры восточноевропейских татар не решают полностью этой проблемы с позиций истории литературы. Следует также дополнить, что представленная выше проблематика тщательно изучается историками, социологами, лингвистами и др. Сформировалась даже отдельная отрасль историко-филологических наук – китабистика (от араб. *al-kitab* – книга), в рамках которой исследуются старинные рукописи татар ВКЛ. Эти рукописи представляют собой тексты различного содержа-

Мінск 2000; Л. М. Лыч, *Татары Беларусі на пераломх сацыяльна-налітычных эпох (XX-начатак XXI ст.)*, Мінск 2007; A. Jakubauskas, G. Sitdykov, S. Dumin, *Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje / Литовские татары в истории и культуре*, Kaunas 2009.

⁷ Среди трудов по этой теме следует перечислить прежде всего: S. Chazbijewicz, *Tatarzy i Wileńszczyzna XIX i XX w. w polskiej i polsko-tatarskiej literaturze*, [w:] *Wilno i Wileńszczyzna jako krajobraz i środowisko wielu kultur*, pod red. E. Feliksiak, Białystok 1992; M.M. Dziekan, *Rubai'jjat, albo czterowersze*, „Przegląd Orientalistyczny” 1998, nr 3/4.; M.M. Dziekan, *Kobieta, koń i step. Wokół czterowerszy Musy Czachorowskiego*, „Przegląd Tatarski” 2009, nr 1; G. Zając, *Diünden Bugüne Polonya Tatarları ve Şair, Bilim Adamı Selim Chazbijewicz'in Şiirleri // Kibatek. Edebiyat Sempozyum*, Ankara 2004; T. Zaniewska, *Misterium pamięci*, „Test” 1997, nr 4; H. A. Yüksel, *Selim Mirza Hazbiyevic ve Şiirlerinden Örnekler*, „Türk Kültürü” 1996, no: 398; G. Czerwiński, *Panorama de la littérature polono-tatare aux XXe et XXIe siècles*, „Slavica Bruxellensia” 2011, nr 7; G. Czerwiński, „*Miejsca-archetypy*” *poezji polsko-tatarskiej (przykład Selima Chazbijewicza i Musy Czachorowskiego)*, „Rocznik Komparatystyczny” 2012, nr 3; G. Czerwiński, *Selim Chazbijewicz jako poeta polsko-tatarski*, „Pamiętnik Literacki” 2013, nr 2; G. Czerwiński, *Sprawozdania z podróży muftiego Jakuba Szynkiewicza. Źródła, omówienie, interpretacja*, Białystok 2013.

⁸ Поскольку восточноевропейская татарская литература мало известна, стоит добавить краткую информацию о самых известных татарских авторах Польши, Литвы и Белоруссии. См. Приложение.

ния, написанные в основном на белорусском и польском языках, и, что самое интересное, с использованием арабского алфавита⁹.

И хотя именно благодаря историографии, мы сегодня имеем достаточно полное представление о культуре татар восточной Европы, использование исторического метода в изучении современной татарской литературы¹⁰ представляется нам далеко не самым подходящим по ряду причин. Назовем некоторые из них.

Во-первых, этот метод не позволяет анализировать с эстетических позиций некоторые типы текстов (такие, как, например, отчеты о путешествиях и публицистические произведения, которые занимают основное место в татарской литературе), считая их исключительно историческими источниками.

Во-вторых, при таком подходе значительное внимание уделяется патриотической, религиозной или этнической тематике, которые очень важны. Однако татарская литература, как и любая другая, этой тематикой не ограничивается. Кроме того, не только этой тематикой определяется оригинальность и высокий художественный уровень литературных произведений восточноевропейских татар.

Знакомясь с поэзией Станислава Кричинского, Селима Хазбиевича, Мусы Чахоровского, Феликса Якубаускаса, Александра Вильчинскаса или Ада-са Якубаускаса¹¹, без труда замечаешь, что в этих произведениях история превращается в миф. С одной стороны, поэты трепетно относятся к своим национальным корням и ярко описывают свою национальность в историческом плане; с другой стороны, когда речь идет о том, где находится их духовная родина, они мысленно погружаются в поэтическое пространство, созданное ими. В такой поэтической модели мира место историографии занимает география.

⁹ А.К. Антонович, *Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система*, Вильнюс 1968; Cz. Łapicz, *Kitab Tatarów litewsko-polskich. Paleografia, grafia, język*, Toruń 1986; A. Drozd, *Zastosowanie pisma arabskiego do zapisu tekstów polskich (zarys historyczny)*, [w:] *Plenas Arabum domos. Materiały IV Ogólnopolskiej Konferencji Arabistycznej*, Warszawa 25-26 marca 1993, pod red. M. M. Dziekana, Warszawa 1994; Г. Мишкинене, *Древнейшие рукописи литовских татар. Графика. Транслитерация. Перевод. Структура и содержание текстов*, Вильнюс 2001; В. І. Несцяровіч, *Старажытныя рукапісы беларускіх татар. Графіка. Транслітарацыя. Агульная характарыстыка мовы. Фразеалогія*, Віцебск 2003; М. Тарэлка, І. Сынкова, *Адкуль пайшлі ідалы. Помнік рэлігійна-палемічнай літаратуры з рукапіснай спадчыны татараву Вялікага Княства Літоўскага*, Мінск 2009; Sh. Akiner, *Religious language of a Belarusian Tatar kitab: a cultural monument of Islam in Europe*, Wiesbaden 2009.

¹⁰ Cp. J. Tyszkiewicz, *Zainteresowania i dorobek badawczy Stanisława Kryczyńskiego (1911-1941)*, [w:] *Słowiańszczyzna i dzieje powszechne. Studia ofiarowane Profesorowi Ludwikowi Bażyłowowi w siedemdziesiątą rocznicę Jego urodzin*, Warszawa 1985; J. Tyszkiewicz, *Wiersze Stanisława Kryczyńskiego z lat 1939 do połowy 1941*, [w:] J. Tyszkiewicz, *Z historii Tatarów polskich 1794-1944*, Pułtusk 2002.

¹¹ См. Приложение.

Например, у Селима Хазбиевича мы читаем:

Я татарин. Резкое дуновение степи
моё лицо ласкает. А моя родина
живёт в гравюре старой мечети,
в городе Вильно.
(*Меланхолия*)¹²

Поэт, как мы видим, живет в мире своих воспоминаний. Пишет о несуществующей уже мечети, в которой до войны имамом был его прадед Ибрагим Смайкевич. Хазбиевич родился в 1955 году в Гданьске, куда бежали его родители после второй мировой войны. Для поэзии Хазбиевича история является очень важной темой, но это его собственная история – история-архетип, так как он вырос одновременно в городе на Балтийском море (в реальной жизни) и не существовавшем тогда уже польском городе Вильно (сохранившимся исключительно в семейных преданиях). В творчестве Хазбиевича как места-архетипы представлены наряду с Вильнюсом не только такие крупные исторические центры ислама и тюркской культуры, как Казань, Крым, Бухара, но и маленькие татарские деревушки, Богоники и Крушиняны, на восточной Белосточчине¹³. Они составляют поэтическую карту мифологического Турана¹⁴, причем Туран здесь является архетипом, сказочным источником культуры тюркских народов, и не имеет никакого отношения к политическим концепциям пантюркизма. Это творческое пространство, в котором лирический герой Хазбиевича ищет свое татарское «я».

Очерки истории польских татар представлены также в биографической поэме Мусы Чахоровского – польско-татарского автора, родившегося в 1953 году в Польше, в городе Вроцлав:

Был я мальчиком одиноким, тихим. Школьные друзья говорили обо мне: «Китаец», «Монгол», «пинг-понг»... После этого я спрашивал маму, почему они так говорят? Ведь я не китаец.

Моя семья происходит из пленников татарских, полоненных в венской экспедиции польского короля Яна III Собеского в 1683 году. Другая ветвь нашей семьи – из древнего мазовецкого шляхетского рода с татарскими корнями из

¹² S. Chazbijewicz, *Hymn do Sofii*, Olsztyn 2005, s. 47. Стихотворение цитируем в собственном переводе.

¹³ Пишем об этом шире в статье *Selim Chazbijewicz...*

¹⁴ Образно-географическая карта является одним из главных понятий в имагинальной и гуманитарной географии. См. Д.Н. Замятин, *Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук*, «Социологическое обозрение» 2010, т. 9, № 3, с. 30-32.

Литвы XIV века. Моих татарских предков поселили на королевские земли, вскоре они ассимилировались, приняли христианство. Ах, седое беспамятство! Как только я родился, я знал с первого дня: я иной, я – татарин!¹⁵

В данном случае «татарин» является, прежде всего, поэтическим конструктом, героем, который, помня историю своего народа, живет в мире снов и татарских сказок. Это герой, который бежит от истории и находит свое «я» в географии. Он «дитя степей».

Дитя степей... Тополя и вечно голубое небо – это все останется во мне навсегда...¹⁶

В стихотворениях Мусы Чахоровского центральной фигурой является степь. Поэзия автора *Одиночества* – это проекция личных воспоминаний, переживаний, эмоций¹⁷. Степь является в его произведениях внутренним миром лирического героя – символизирует экзистенциальную тоску, какую-то неопределенную печаль...¹⁸

Всё чаще возвращаюсь в гнедокожую степь
где в избе реки
располагаются белые крылья юрт
Там всего начало

Вижу мальчика, спящего в траве,
гнедая кобыла дяди Настика
несёт его полем
между кладбищем и струёй
(...)
Мальчику снятся луг и конь
едет куда-то возле струи
и даже не знает, как сильно постарел
он и дом и этот конь

¹⁵ М. Чахоровский, *Муса Чахархан*, «Alta Bash. Die Internationale Zeitschrift von Tataren und Ihren Freunden» (Берлин) 2008, №50/51, Dezember 2008, с. 23.

¹⁶ Ibidem, с. 23.

¹⁷ См. Г. Червинский, *К проблеме современной польско-татарской литературы*, „Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации”, Симферополь 2010, том 23, № 4.

¹⁸ Пространство степи в произведениях М. Чахоровского и С. Хазбиевича мы анализируем в статье: „*Miejscas-archetypu*” *poezji*...

Некуда по сути ехать
 всё настолько далеко
 что ничего уже не слышно
 лишь ещё эта степь

(Только)¹⁹

Лирические герои татарских авторов – это символы, архетипы. Они могут приобретать форму древнего шамана, преданного Богу суфия, туркестанского басмача, польского улана, современного европейского мусульманина и т.д. Они легко перемещаются во времени и пространстве, но их душа постоянно проживает в далекой степи, среди древних алтайских кочевников. Там лирические герои рождаются и туда же возвращаются, чтобы умереть. В качестве примера можно привести строки из стихотворения М. Чахоровского *** *Похорони меня...*

Похорони меня в степи, внук
 среди татарских коней
 с их гордыми когда-то гривами и хвостами
 с твёрдыми как камни копытами
 там где очередной весной
 выходят табуны на свежие пастбища
 чтобы я мог безуданно путешествовать
 всё мне мало этой степи

моё сердце оставь в Солечниках
 и закопай под облепиховым кустом
 его тебе покажет папа²⁰.

Встречаются произведения, в которых «татарское» пространство не представлено буквально, но при этом оно живет в самом тексте. Лирический герой стихотворения Адаса Якубаускаса *Когда глаза закрою...* сам еще не понимает, куда направляется, чего ищет. Вокруг него много указателей, но он не собирается ехать в какую-то конкретную точку, забывает о том пути, который собирался проделать. Для него важны «видения» – открытое пространство и время, которые не ограничивают героя рамками прошлого и будущего.

Когда глаза закрою, вижу пред собой:
 Ползут виденья длинной чередой.

¹⁹ М. Czachorowski, *Na zawsze. Nawсегда*, Soleczniki–Wrocław 2008, с. 24.

²⁰ Ibidem, с. 28.

Картины детства роятся вдали.
 Их много, и все они когда-то были.
 ...Пурга, кидаясь в душу мне, неистово ревет...
 Там кони ржут... Там снег идет...
 Вдруг вижу: сани... еду... лошади несут.
 Куда? В какую даль? В проторенный ли путь?
 Или, быть может, мчат тропой
 Мне незнакомой и чужой?..
 Я еду долго. Вижу там и тут
 Мелькают села, города бегут.
 Но вот развилка нескольких дорог.
 Устали мои кони, я продрог.
 Я вышел из саней и вижу: у дороги каждой
 Стоит дорожный столб с указкой:
 «В страну любви», «В страну разлук»,
 «В страну страданий, горя, мук», «В страну тоски»
 ...Но только я глаза открыл
 И путь, который выбрал, вмиг забыл...²¹

Даже этот краткий анализ избранных нами произведений показывает, что в восточноевропейской татарской поэзии более важную роль играет география (и как литературное пространство, и как определенное представление об окружающей среде), а не история, как можно было бы подумать, имея в виду связь потомков татар Великого княжества Литовского с традициями предков. Поэтому необходимо задуматься над тем, как это может повлиять на выбор соответствующего метода литературных исследований. Во-первых, речь идет здесь не о физической географии, которую исследуют представители естественных наук с помощью объективных, эмпирических методов, а о «поэтической географии», являющейся областью гуманитарных знаний. Во-вторых, объектом нашего интереса является не какой-то реальный ландшафт, а, прежде всего, способы его художественного моделирования в литературных произведениях, которые у каждого автора могут быть свои.

Современные исследования «поэтической географии» в рамках литературоведческого дискурса заставляют нас рассматривать основные принципы пространственного моделирования окружающей среды в литературе применительно к гуманитарной географии – междисциплинарному направлению, которое изучает различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности²². В нашем случае главную роль

²¹ А. Якубаускас, *Начало Пути*, Вильнюс 1993.

²² Д. Н. Замятин, *Гуманитарная география...*, с. 26.

играет ментальная деятельность, так как мы рассматриваем географическое пространство, переработанное в процессе творческого акта. Как пишет российский ученый Дмитрий Николаевич Замятин,

базовые понятия, которыми оперирует гуманитарная география, — это культурный ландшафт (также этнокультурный ландшафт), географический образ, региональная (пространственная) идентичность, пространственный или локальный миф (региональная мифология)²³.

Однако термин «гуманитарная география» очень широк и включает в себя различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии²⁴. Более узким понятием является «имагинальная география», иначе — «география воображения».

Литературные аспекты «географии воображения» тесно связаны с постколониальными исследованиями Эдварда Вади Саида²⁵ и мифопоэтической концепцией Гастона Башляра²⁶. Однако с большим успехом можно ее применять в национальном и региональном дискурсах, а также в нарративах о путешествиях и т.п. Корни этой дисциплины уходят во вторую половину XIX — начало XX века,

когда развитие хронологической концепции в географии, широкое использование понятия ландшафта, появление французской школы географии человека и антропогеографии, феноменологии, зарождение неклассических научных методов исследования привлекло внимание научных сообществ к проблематике образных репрезентаций земного пространства²⁷.

В концептуальное поле имагинальной географии, — пишет Д. Замятин, — входят такие хорошо известные и разработанные понятия гуманитарных наук, как «гений места», «поэтика пространства», «гетеротопия»; а также основные понятия гуманитарной географии — «локальный миф» («пространственный миф»), «региональная идентичность» («региональное самосознание»), «культурный ландшафт» («ландшафт», «этнокультурный ландшафт»). В понятийный аппарат имагинальной географии включены понятия образно-географической системы, образного пространства (образно-географического пространства), ментально-географического пространства, метапространства²⁸.

²³ Ibidem, с. 26.

²⁴ Ibidem.

²⁵ См. E. Said, *Orientalism*, New York 1978.

²⁶ См. G. Bachelard, *La Poétique de l'espace*, Paris 1957.

²⁷ Д. Н. Замятин, *Гуманитарная география...*, с. 28.

²⁸ Ibidem, с. 27–28.

Каким образом исследования моделирования художественного пространства литературных произведений связаны с основными принципами «географии воображения»? Определяет ли структуру художественного пространства «географический образ», созданный автором, образ, который непосредственно связан с национально-этнической, религиозной, политической, расовой принадлежностью данного писателя?

Геопоэтику мы будем понимать здесь как отрасль литературоведения, изучающую взаимоотношения между художественным пространством в литературном произведении и имагинальной географией. Безусловно, наша дефиниция далеко не полная и требует уточнения, но, в данном случае, она позволяет подчеркнуть важнейшие аспекты геопоэтического подхода.

Как нами было уже сказано, архетипы восточноевропейской татарской литературы содержатся, прежде всего, в пространственных фигурах. Это частично напоминает теорию Ю. Лотмана, который писал о том, что с помощью художественного пространства можно моделировать непространственные аспекты действительности: временные, общественные, этические и другие²⁹. Но здесь важнейшую роль играет не структура художественного пространства, созданная конкретным автором, а влияние пространства на культуру и влияние культуры на изображение пространства человеком. Лотман исследовал структуру литературного произведения. Современная же геопоэтика описывает, прежде всего, различные отношения между культурой и пространством. В последнее время концепция геопоэтики – это одно из важнейших методологических достижений среди концепций, посвященных пространству.

С одной стороны, развитие знаний о художественном пространстве привело Ю. Лотмана к концепции семиосферы³⁰, В. Топорова – к анализу «превращения материальной реальности в духовные ценности»³¹, а Б. Успенского – к «исторической семиотике», в которой непосредственную роль играет пространство³². Это позволяет утверждать, что «пространственная семиотика» представляет собой полноправный голос в дискуссии о культуре и ее роли во времена (пост)современности³³.

²⁹ Ю. М. Лотман, *Художественное пространство в прозе Гоголя*, [в:] Ю.М. Лотман, *О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы*, СПб 1997.

³⁰ Ю. М. Лотман, *О семиосфере*, «Труды по знаковым системам» 1984, т. 17, с. 5–23.

³¹ В. Н. Топоров, *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического*, Москва 1995.

³² Б. А. Успенский, *История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема); Historia sub specie semioticae*, [в:] Б.А. Успенский, *Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры*, Москва 1994.

³³ Мы пишем об этом в статье: *Как искать структуру в распаде? Анализ художественного пространства в произведениях Владзимежа Одоевского (Seeking structure in disintegration)*.

С другой стороны, анализ художественного пространства в региональных литературах, нарративах о путешествиях, репортажной и документальной прозе привел многих ученых к гуманитарной географии, и впоследствии – к геопоэтике. Поскольку теория «художественного пространства» разработана на материале художественной прозы и поэзии применительно к документальным и автобиографическим жанрам, то она не всегда позволяет решать все методологические вопросы. Поэтому логичным шагом в развитии литературоведческой рефлексии является именно геопоэтика. В некоторых более поздних работах Лотмана можно проследить прогнозирование развития некоторых геопоэтических концепций³⁴. В этой статье мы не будем рассматривать данную проблему.

Основные термины, которыми оперирует геопоэтика, – это «локальность», «регионализм», «география воображения», «политика места», «кочующий субъект» и т.п. Многие из них с успехом можно применять в процессе анализа художественной и документальной литературы, поэзии и прозы. В рамках геопоэтики мы можем исследовать не только публицистические произведения, эссе, репортажи, отчеты о путешествиях, но и научно-популярные статьи и научные труды.

В татарской литературе «географический» подход позволяет заметить разнообразные аспекты влияния культуры мусульманско-тюркского Востока. Если бы мы рассматривали литературу польских, белорусских и литовских татар только сквозь призму истории, мы бы увидели, возможно, лишь патриотизм польских (литовских) военнослужащих, которые не щадили своих жизней, защищая Речь Посполитую. В белорусско-татарской литературе можно бы не заметить, например, «ориентальной» точки зрения воспоминаний татар о военных событиях и т.п. Геопоэтика позволяет анализировать географическое пространство в рамках концепции архетипов, т.е. замечать в произведениях европейских мусульман элементы восточной философии в процессе понимания мира. При таком подходе новым содержанием наполняется и исторический дискурс татарской литературы.

Согласно геопоэтической концепции, например, пространство моделирует точку зрения (в плане антропологии), исходя из которой писатель описывает наблюдаемые им действия³⁵. Конечно, воображение о пространстве европей-

An analysis of artistic space in the works of Włodzimierz Odojewski, „Russian Literature” 2011, vol. 70, issue 3.

³⁴ См. Ю.М. Лотман, *Город и время (В беседе с Юрием Михайловичем Лотманом принимают участие Михаил Лотман, Любава Морева и Игорь Е. Владимцев)*; *Разговор о пространстве*, [в:] Ю.М. Лотман, *Воспитание души. Воспоминания. Интервью. Беседы о русской культуре (телевизионные лекции)*, СПб 2003.

³⁵ Это снова напоминает некоторые концепции татруско-московской школы семиотики культуры. Ср. Б.А. Успенский, *Поэтика композиции. Структура художественного текста*

цев отличается от того, как воспринимают мир представители мусульманского мира, что особенно ярко высвечивается в документальной прозе, эссеистике и публицистике. Однако в произведениях таких авторов, как Якуб Шинкевич, Леон (Арслан) Кричинский, Мустафа Александрович, Али Исмаил Воронович, Ольгерд Кричинский явно выражено «двойное» самоопределение автора-рассказчика.

Если наши рассуждения отнести к конкретным текстам таким, например, как «Отчеты о путешествиях» Якуба Шинкевича (1926-1937) и «Под солнцем Марокко» Леона Кричинского (1934), то можно заметить, что авторы – польско-литовские татары, исповедующие ислам, – одновременно «являются» и «не-являются» представителями европейской культуры. Кроме того, они пишут о цивилизации, которая для них и «чужая», и в то же время «своя». Бытие европейцем также не лишает человека права считать себя одновременно членом религиозной арабской общины или общины, объединяющей различные народы и этнические группы Северной Африки, Ближнего Востока и Азии. Думается, что благодаря именно своему двойному «географическому образу» Я. Шинкевич и Л. Кричинский способны понять цивилизацию ислама лучше, чем любой другой польский, белорусский или литовский писатель или журналист³⁶. Географический образ – это центральное понятие имагинальной географии, это система знаков, символов, архетипов и стереотипов, характеризующих какую-либо территорию³⁷. Географический образ татар очень своеобразен: он – одновременно и не европейский, и не мусульманский, и в то же время и европейский, и мусульманский. Это конгломерат Востока и Запада.

«Двойственную» точку зрения татарских авторов можно отнести к геопоэтической концепции «архива культуры». Польская исследовательница Эльжбета Рыбicka предлагает рассматривать «место» в литературных топографиях (в нашем случае это можно отнести к имагинальному пространству в общем) как конструкт, содержащий множество различных компонентов, которые можно отнести к трем составляющим: «опыт», «архив культуры» и «воображение». Каждый из этих элементов может доминировать в зависимости от того, какой тип литературы будем исследовать³⁸. Как утверждает Э. Рыбicka, в документальных и репортажных произведениях доминирует обычно «опыт», в художественной литературе – «архив культуры» и «воображение»³⁹.

и типология композиционной формы, Москва 1970 (См. глава: «„Точка зрения“ в плане идеологии»).

³⁶ Ср. G. Czerwiński, *Sprawozdania z podróży...*, с. 35.

³⁷ Д.Н. Замятин, *Гуманитарная география...*, с. 27.

³⁸ E. Rybicka, *Literatura, geografia: wspólne terytoria*, [w:] *Od poetyki przestrzeni do geopoetyki*, pod red. E. Konończuk i E. Sidoruk, Białystok 2012, s. 22-24.

³⁹ *Ibidem*, s. 23.

Мы же считаем, что «архив культуры» – это общее понятие для всех видов литературы.

Благодаря такому подходу, мы понимаем, что «архив культуры» белорусов, поляков и литовцев не совпадает с «архивом культуры» татар, даже если сегодня они проживают в одном государстве. «Архив культуры», насыщенный тюркскими архетипами и накопленный в большей степени мусульманским воспитанием, отличает татарскую поэзию от поэзии балтийской и славянской, даже если эти произведения написаны на одном из славянских или литовском языке.

В нашей статье мы не будем поднимать вопрос «воображения», но считаем своим долгом напомнить об «опыте» восточноевропейской татарской литературы, который может иметь в данном случае как индивидуальный, так и исторический характер.

Завершая наши рассуждения, хотелось бы сказать еще несколько слов об «историческом опыте» воспоминаний татар Польши и татар советской Белоруссии. В Польше после 1989 года были изданы воспоминания Степана Мустафы Мухарского⁴⁰, Дженнет Джабаги-Скибневской⁴¹, Мустафы Александровича (в настоящее время опубликованы только фрагменты⁴²), Мачея Конопакского⁴³, Яна Соболевского⁴⁴ и других авторов. В белорусско-татарской литературе мы находим, например, воспоминания Хасеня Александровича⁴⁵, Вячеслава Станкевича⁴⁶ и Алены Адамович (по мужу Томах)⁴⁷.

⁴⁰ T. Zaniewska, *Dziki wiatr. Rozmowy ze Stefanem Mustafą Mucharskim*, Białystok 1999.

⁴¹ Dż. Dżabaży-Skibniewska, *Wspomnienie o Leonie Kryczyńskim*, „*Życie Muzułmańskie*” 1986, nr 1; *Wspomnienie o pptk. Sulejmanie Mucharskim*, „*Życie Muzułmańskie*” 1987, nr 2-4; *Z dawnych lat. To, co pamiętam o „Przeglądzie Islamskim”*, „*Życie Muzułmańskie*” 1987/1988, nr 5-7; *Wassan-Girej Dżabaży – Mój Ojciec*, „*Życie Muzułmańskie*” 1988, nr 8; *Z dawnych lat. Pogrzeb Aleksandra Sulkiewicza*, „*Życie Muzułmańskie*” 1988, nr 9; *Moja pielgrzymka na... Kaukaz*, „*Życie Muzułmańskie*” 1989, nr 1-2; а также: *Dżennet do Macieja*, pod red. M. Berger i Rafała Bergera, Warszawa 2012; T. Zaniewska, *Dżennet znaczy raj*, Białystok 2002 (изд. 2: *Wierzę w kismet*, Warszawa 2010).

⁴² M. Aleksandrowicz, *Garść wspomnień*, [w:] *Przed Wrześniem i po Wrześniu. Ze wspomnień młodych dyplomatów II Rzeczypospolitej*, pod red. Z. Czeczota-Gawraka, Warszawa 1998.

⁴³ M. Konopacki, *Ze wspomnień Macieja Konopackiego; Syn o ojcu; Alif mojego życia*, [w:] R. Berger, *Hassan Konopacki – Tatar, muzułmanin, bydgoszczanin*, Warszawa 2011.

⁴⁴ J. Sobolewski, *Wspomnienia z Kresów (Iwanowo, Kleck, Polesie)*, „*Rocznik Tatarów Polskich*” 2001/2002, tom 7; *Żołnierskie wspomnienia*, Białystok 2014.

⁴⁵ Ch. Aleksandrowicz, *Księga pamięci (z okazji 60. rocznicy wyzwolenia Białorusi, zwycięstwa w Wielkiej Wojnie Ojczyźnianej i 120. rocznicy zbudowania pierwszego meczetu w Klecku)*, z jęz. białorus. i ros. przetł. D. Czachorowski, Wrocław-Wilno 2007.

⁴⁶ В. Я. Станкевич, *Бацькава адьсея*, „*Байрам*” 1993, № 4.

⁴⁷ Воспоминания белорусских татар, посвященные подпольной деятельности во время Великой Отечественной Войны находятся в Национальном архиве Республики Беларусь, и до сих пор они не были опубликованы. Например, фонд № 1346-1-270 содержит воспоминания Алены Адамович. Ср. С. У. Грыбава, *Удзел беларускіх татар у падпольным руху на тэрыторыі*

Следует также отметить, что разное участие татар в войне 1939-1945 годов, а также разное отношение татар к немецкой оккупации и советской власти на бывших территориях ВКЛ⁴⁸ оставляет до сих пор ряд не решенных вопросов в исследованиях татарских воспоминаний. Различия в социально-политических реалиях Советского Союза и Польши также оказали влияние на менталитет потомков татар Великого княжества Литовского, разделенных границами. Все это накладывается на сложный исторический опыт восточноевропейских татар послевоенного периода и по-разному моделирует «географический образ» татарских воспоминаний.

И самое, по нашему мнению, важное: все сказанное нами ранее ставит, прежде всего, вопрос о необходимости решения фундаментальной проблемы взаимоотношений польско-, белорусско- и литовско-татарских литератур в рамках концепции одной восточноевропейской татарской литературы. В ходе разработки этой проблемы могут быть очень полезными такие понятия геопоэтики, как «опыт», «архив культуры» и «воображение».

Заключение

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что мы не ставили своей целью ни полное описание концепции геопоэтики, ни пытались обобщить исследования литературы татар Польши, Литвы и Белоруссии. В статье были рассмотрены способы практического применения некоторых теоретических положений геопоэтики. Нас интересовало, прежде всего то, чем и насколько могут быть полезны историку литературы отход от истории и обращение к гуманитарной географии.

Попытки анализа восточноевропейской татарской литературы с помощью геопоэтического метода показывают, что символическая география и такие категории, как «локальность», «пространство», «опыт», «архив культуры» и «воображение» раскрывают новые перспективы изучения произведений художественной литературы восточноевропейских татар – произведений, являющихся точкой пересечения Востока и Запада, Европы и Азии, христианства и ислама.

Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук» 2009, № 3.

⁴⁸ См. С.У. Грыбава, *Стаўленне беларускіх татар да супрацоўніцтва з германскімі ўладамі на тэрыторыі Беларусі падчас Вялікай Айчыннай Вайны*, «Гуманітарна-эканамічны веснік» 2009, № 3.; Э. К. Иоффе, *К вопросу об участии татар в Великой Отечественной Войне на территории Беларуси*, [в:] *Исламская культура татараў-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі*, ч. 1, Мінск 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Кричинский Станислав (польск. Stanisław Kryczyński) (1911-1941) – историк и журналист, автор ряда научных трудов в области истории, а также монографии *Литовские татары (Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej*, Варшава 1938). Писал на польском языке стихи, поэтическую прозу и воспоминания. Большинство его сочинений сохранились исключительно в рукописях. В 1941 г. умер от тифа. В 2014 г. была издана книга художественных произведений писателя (S. Kryczyński, *Wspomnienia. Utwory poetyckie. Eseje, wstęp, wybór i oprac. G. Czerwiński, Białystok 2014.*).

Хазбиевич Селим (польск. Selim Chazbijewicz) – один из наиболее известных современных польско-татарских поэтов. Родился в 1955 году в Гданьске. Изучал польскую филологию в Гданьском университете. Защитил диссертацию на соискание ученых степеней кандидата и доктора политических наук. В настоящее время он профессор Университета в Олыштыне. Кроме того, поэт является одним из основателей Союза татар Речи Посполитой и главным редактором «Ежегодника польских татар». Его перу принадлежат произведения на польском языке: *Wejście w baśń* (1978), *Czarodziejski róg chłopca* (1980), *Sen od jabłek ciężki* (1981), *Krym i Wilno* (1990), *Mistyka tatarskich kresów* (1990), *Poezja Wschodu i Zachodu* (1992), *Rubai'jjat, albo czterowersze* (1997) и *Hymn do Sofii* (2005).

Чохоровский Муса (польск. Musa Czachorowski) – родился в 1953 году во Вроцлаве в ассимилированной семье потомков древних татар. Главный редактор «Татарского обзора» («Przegląd Tatarski»), сотрудник литовского журнала «Литовские татары» («Lietuvos totoriai»), член Союза татар Республики Польша и Польского Мусульманского религиозного союза. Его поэтический сборник *Na zawsze (Навсегда)* был издан в 2008 году на польском и русском языках. Кроме того автор опубликовал на польском языке ряд сборников поэтических произведений: *Nie-łagodna* (1987), *Ile trwam* (1988), *Chłodny listopad* (1990), *Dotknij mnie* (1998), *W życiu na niby* (2006), *Samotność* (2008), *Rubajaty stepowe* (2009), *Poza horyzontem* (2010).

Шинкевич Якуб (польск. Jakub Szynkiewicz) (1884-1966) – доктор филологии в области ориенталистики; говорил на нескольких европейских языках, а также на арабском и турецком. В декабре 1925 года он был избран на должность муфтия мусульман Польши. В 1926-1937 годах Я. Шинкевич неоднократно выезжал во многие страны Ближнего Востока: Египет, Турцию, Хиджаз, Сирию, Палестину. В 1926 он участвовал во Всемирном мусульманском конгрессе в Каире, а 1935 году – в Европейском мусульманском конгрессе в Женеве. В 1936 году Я. Шинкевич побывал в Британской Индии. Официальные отчеты о своих путешествиях, которые можно считать репортажной прозой, он писал на польском языке. В 2013 году в Белостоцком Университете была издана книга Г. Червинского *Отчеты о путешествиях муфтия*

Якуба Шинкевича: источники, обсуждение, интерпретация (G. Czerwiński, *Sprawozdania z podróży muftiego Jakuba Szynkiewicza. Źródła, omówienie, interpretacja*, Białystok 2013).

Якубаускас Адас (лит. Adas Jakubauskas) – родился в 1964 году в местечке Бутримонис в Алитусском районе Литвы. Окончил филологический факультет Вильнюсского педагогического университета по специальности «русский язык и литература». В 2003 году в Университете им. Адама Мицкевича в Познани защитил кандидатскую диссертацию в области политических наук. Его стихотворения, написанные на русском языке, публиковались в Литве, Польше, Белоруссии и России. В 1993 году издал сборник стихов *Начало Пути*. В 2003 году был избран председателем Союза общин татар Литвы. В 2014 году вышла его вторая книга поэтических произведений *Аккорды фуги бытия*.

Якубаускас Феликсас (лит. Feliksas Jakubauskas) – родился в 1935 году в городке Муснинкай Ширвинтского района Вильнюсского уезда. Его писательская деятельность началась в 60-х годах XX столетия. С 1972 по 1991 он работал в Союзе писателей. В 1991 году написал комедию *Paskutinis iš varlynės*, за которую получил приз в Канаде. Ф. Якубаускас опубликовал семь сборников стихов на литовском языке: *Žaizdota Lietuva* (1969), *Kentėjimo duona* (1992), *Tylos grėsmė* (1992), *Upė trokštanti vandens* (1998), *Po mėnulio pilnatim* (2000), *Negrižę paukščiai* (2002), *Tarp klūpančių medžiu* (2004).

SUMMARY

History – Geography – Geopoetics. About the Possible Methods of Analysis of Contemporary Literature of Polish, Lithuanian and Belarusian Tatars

The article is devoted to contemporary literary work of Tatars of Poland, Lithuania and Belarus. Based on the materials of Eastern European Literature created by Tatars attempt was made to determine the effectiveness of geopoetics in research work of contemporary descendants of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania. Author's primarily interest is in the question of how – in relation to the modern Tatar literature – can be useful to the historian of literature the departure from history and return to the humanistic geography. This question is all the more important because the content of “cultural archive” of literature of Eastern European Tatars is affected by the fact that it is created in three different countries (Belarus, Lithuania and Poland) and four different languages (Belarusian, Lithuanian, Polish and Russian). Wherein distinct historical experience applied in the work of Eastern European Tatars creates uniform “archetypal experience” (a reference to the ancient Turkic-shamanic tradition and contemporary Muslim tradition). The article was written under a research project titled “Polish Tatar literature after 1918”, funded by the Polish National Science Centre under decision no. DEC-2012/07/B/HS2/00292.